

ISSN 0004-3479

Russian Literature
Croatian and Serbian
Czech and Slovak
Polish

LXXV-I/II/III/IV 1 January–15 February–1 April–15 May 2014

SPECIAL ISSUE
18th-Century Literature
Guest Editor: Joachim Klein

CONTENTS

KLEIN, JOACHIM Предисловие	1
АЛЕКСЕЕВА, Н. Ю. Поздний Сумароков как переводчик псалмов	3
BAUDIN, RODOLPHE Nikolaj Karamzin and François Vernes	33
БУХАРКИН, П. Е. О проблематике духовных од М. В. Ломоносова	57
COLLIS, ROBERT Merkavah Mysticism and Visions of Power in Early Eighteenth-Century Russia: The New Year Panegyrics of Stefan Javorskij, 1703-1706	73
DI SALVO, MARIA Felix Catharina Regnet! Felix Catharina Vincat! Panegyrics Dedicated to Catherine II by White Russian Catholic Schools	111
FREDE, VICTORIA Atheism in the Russian Enlightenment	121
GOLBURT, LUBA The Queen is Dead, Long Live the King: Paul I's Accession and the Plasticity of Late Eighteenth-Century Panegyric	163
HAMMARBERG, GITTA Karamzinolatry and Epigonism	189
ЙЕКУЧ, УЛЬРИКЕ Василий Петров и Григорий А. Потемкин. Об отношениях поэта и покровителя	219

(continued on the last pages of this volume)

This article appeared in a journal published by Elsevier. The attached copy is furnished to the author for internal non-commercial research and education use, including for instruction at the authors institution and sharing with colleagues.

Other uses, including reproduction and distribution, or selling or licensing copies, or posting to personal, institutional or third party websites are prohibited.

In most cases authors are permitted to post their version of the article (e.g. in Word or Tex form) to their personal website or institutional repository. Authors requiring further information regarding Elsevier's archiving and manuscript policies are encouraged to visit:

<http://www.elsevier.com/authorsrights>

“ARS POETICA” М. М. ХЕРАСКОВА¹
(M.M. KHERASKOV’S “ARS POETICA”)

М. ВЕНДИТТИ, М. ШРУБА
(M. VENDITTI, M. SCHRUBA)

Abstract

The present paper discusses M.M. Kheraskov’s little known didactic poem ‘The Poet’ of 1805. It argues that the poetic form and theoretical content of this work are determined by the tradition of the didactic poem (Horace, Boileau, Sumarokov); Kheraskov’s thoughts on literary aesthetics, as reflected in his earlier works, offer another relevant context. In general terms, his poem can be characterized as a syncretistic amalgam of classicist, sentimentalist and preromantic elements, based on a rich substratum of masonic motifs. The appendix contains a reprint of the original text.

Keywords: *18th-Century Russian Literature; M.M. Kheraskov; Didactic Poetry; Ars Poetica*

Творчество последних лет жизни Хераскова изучено еще далеко не основательно. Многие из его поздних работ не переиздавались со времени их первой публикации. В советском издании *Избранных произведений Хераскова*² особенно скудно представлены именно последние труды; в данное издание не попало также стихотворное произведение (без указания жанра) ‘Поэт’, опубликованное Херасковым в 1805 г. в Москве в виде маленькой брошюры объемом в 14 страниц.

В литературе о Хераскове 'Поэт' упоминается редко.³ Жанровая природа этого текста синкретична; однако в тексте преобладают элементы дидактической поэмы о стихотворстве в традиции стихотворных поэтик в духе Горация, Буало, Сумарокова и Муравьева. Снабжая свое произведение эпиграфом из *Эпистолы II* Сумарокова,⁴ Херасков не скрывает жанровой принадлежности стихотворения, а всего лишь прозрачно вуалирует ее.

Сама идея публикации в середине 1800-х гг. – почти 60 лет после сумароковских эпистол 1748 г. – произведения, которое столь откровенно ориентируется на жанр, представляющий собой квинтэссенцию нормативной поэтики классицизма, кажется достаточно анахроничной.⁵ Херасковский 'Поэт' мало совместим с общим литературным развитием эпохи. Еще в 1790-е гг. карамзинский сентиментализм стал едва ли не господствующим течением; публикация 'Сельского кладбища' В. А. Жуковского в 1802 г. считается датой зарождения русского предромантизма;⁶ достаточно сопоставить стихотворение 'К поэзии' (обнародованное в декабре 1804 г.) – "эстетический манифест"⁷ молодого Жуковского – с опубликованным почти одновременно 'Поэтом', чтобы наглядно убедиться в несвоевременности позднего поэтологического кredo пожилого стихотворца.

Рассмотрим содержание и композицию поэмы, наблюдая за ходом рассуждений ее автора.

'Поэт', объемом в ровно 300 стихов, состоит из трех неровных частей, обозначенных автором римскими цифрами (74 + 136 + 90 стихов).

Часть I имеет в целом вводный характер. Начальные стихи представляют собой собственно введение (ст. 1-8), причем основные положения запечатлены в первых четырех стихах:

Воспользуйся моим, о! юноша, советом,
Коль хочешь ты узнать, рожден ли ты поэтом,
Не в слогах тайну ту, не в рифмах заключай;
Но чувства собственны и мысли примечай:

Обозначена коммуникативная ситуация: с одной стороны, опытный стихотворец в роли наставника; с другой стороны, его собеседник – молодой человек, он же начинающий поэт. Затем сформулирована центральная тема стихотворения – необходимые предпосылки и условия бытия поэтом: одно лишь знание стилистических и риторических средств или владение поэтической техникой не достаточны для того, чтобы носить звание настоящего поэта; необходимая для этого предпосылка заключается в способности к оригинальному, своеобразному вос-

приятию и осмыслению мира. Как пример этой поэтической самобытности представлена способность восторгаться миром как Божьим творением (ст. 5-8).

Основную долю первой части ‘Поэта’ занимает обширное лирическое отступление (ст. 9-54) в виде серии вопросов, обращенных к собеседнику-юноше, в которых тот как бы допрашивается автором, способен ли он воспринимать и осмыслять многообразные красоты мира. Все великолепные образы, начерчиваемые Херасковым в качестве образцов для изображения целостности поэтического и художественного мира, непосредственно связаны с античной мифологией и образностью. Там, где речь идет о таких явлениях природы как весна или ночь, Херасков немедленно превращает их в аллегорические фигуры:

И юная тебе мечтается ль весна,
Когда веночками украсится она;
Как тихо ветерки власы ее взвевают,
Где ступит, ручейки и травки оживают;
(ст. 35-38)

Херасков рассматривает явления природы исключительно через призму антикизирующей образности и риторики. Изображение внешнего мира в поэтическом, художественном ключе для него немислимо вне заданных традицией (и классицистской доктриной) стилистических рамок.

В заключительном пассаже первой части ‘Поэта’ (ст. 55-74) Херасков дает ответ на все эти вопросы (ст. 55-56); умением изображения и осмысления мира в его многообразии наделен лишь “творительный дух” – человек, способный вдохновляться и восторгаться, обладающий фантазией, творческим воображением:

Где для простых очей совсем предметов нет,
Рисует, видит там и чувствует Поэт.
(ст. 63-64)

Для совокупности всех этих свойств у художника или стихотворца в Западной Европе со второй половины XVIII века применялось понятие гения; в России оно привилось, судя по всему, лишь с середины 1790-х гг., причем одним из первых стал употреблять его Н. М. Карамзин.⁸ Десять лет спустя данное слово встречается также в ‘Поэте’ Хераскова – именно как синоним “творительного духа”:

Когда ты чувствовать и мыслить так умеешь,
То верь, что Гения поэзии имеешь;
(ст. 69-70)

Употребляя данное слово в качестве модного клише, Херасков, в сущности, покидает – скорее всего, несознательно – систему классицистской эстетики; понятие гения (в смысле исключительно одаренной личности) не вписывается в *Regelästhetik* классицизма, где хорошего поэта характеризуют в конечном итоге три составляющие – талант, знание правил и подражание образцовым авторам. Понятие гения может функционировать в рамках эстетики классицизма разве как синоним особенно большого таланта. Окончательный переход к *Genieästhetik* знаменует осознание того, что сверходаренная личность следует в конечном итоге лишь своим собственным правилам. Спорадическое наличие понятия “гений” в поэме Хераскова (в двух местах: в ст. 70 и 119) – это не единственный след новых эстетических веяний.

Начало второй части ‘Поэта’ посвящено (казалось бы, вполне в духе классицизма) образцовым авторам – создателям классических эпических произведений античности и нового времени. Херасков дает обширный перечень образцовых авторов и их произведений (ст. 75-118). Кто хочет быть поэтом, должен быть в состоянии вчувствоваться и вдуматься в мир поэзии и литературы. Совершенным выражением этого художественного мира является канон классических эпических поэм, в который входят *Илиада* и *Одиссея*, *Освобожденный Иерусалим* Тассо, *Потерянный рай* Мильтона, наконец, *Энеида* Вергилия.

Следующий пассаж ‘Поэта’ связан с проблематикой традиционных эстетических категорий *imitatio* и *aemulatio* (ст. 119-134). Список достойных подражания авторов – это общее место дидактических поэм о стихотворстве. Особенно массовую форму он принимает в *Епистоле II* Сумарокова.⁹ У Хераскова однако данный топос наделен совсем другой функцией, чем у Сумарокова. Наставление начинающему поэту отнюдь не заключается в подражании классикам: следуя за названными “образцами”, парадоксальным образом не следует им подражать:

Когда звездой своей соделан ты поэт,
Пиши как будто бы других поэтов нет;
К натуре обрати душевное вниманье;
Другим последовать есть только подражанье;
Чужих детей нельзя законным быть отцем.
Бог создал мир! и ты будь мысленно творцем.
Забудь Вергилия и Тасса и Гомера;
При вымыслах беги писателей примера;
(ст. 123-130)

Это уже не традиционные принципы *imitatio* или *aemulatio*. Одно из правил поэтики классицизма гласит: когда творишь, думай всегда о Вергилии, Тассо и Гомере, подражая им. “Забудь Вергилия и Тасса и Гомера” – это уже не *imitatio*. Другое правило поэтики классицизма

гласит: пиши как образцовые поэты, только еще лучше. “Пиши как будто бы других поэтов нет” – это уже не aemulatio, поэтическое соревнование. Выдвигаемые здесь Херасковым эстетические критерии – самобытность, оригинальность, творческое своеобразие – будут вскоре находиться в центре внимания постклассицистских литературных течений в русле Genieästhetik.

Наряду с фантазией, талантом и оригинальностью, поэту необходимо обладать обширными знаниями (ст. 135-166). Настоящий поэт – это poeta doctus, всесторонне образованный человек: “Имей понятие, имей о всех науках” (ст. 146). Он должен разбираться в законах природы, в различных ремеслах, в медицине, в географии, а особенно в истории. Херасков упоминает еще две области, где поэту необходимы углубленные сведения: античная мифология и родной язык. Последнему предмету посвящено, в сущности, лишь одно, весьма характерное, высказывание: “Язык свой знать, читай писания духовны” (ст. 162). Другими словами, Херасков рекомендует начинающему русскому поэту изучение церковнославянского языка – то есть то, что советовал еще в 1758 г. Ломоносов в *Предисловии о пользе книг церковных в российском языке*. В середине 1800-х гг. – после выдвинутой Карамзиным в 1790-е гг. языковой программы с ориентацией на изысканно простой язык и стиль салона – подобное требование выглядело уже архаичным. С другой стороны, подобный архаизм соответствовал позиции, изложенной Шишковым в *Рассуждении о старом и новом слоге* (1803), что, конечно, еще не делало из Хераскова шишковиста.

Завершая пассаж о необходимости познаний у поэта, Херасков обращает внимание на опасность излишней учености и, тем самым, нарушения равновесия познавательно-дидактической функции и художественной цели литературного произведения; в этой связи он парафразирует классический горацианский мотив prodesse et delectare (ср.: ‘Ars poetica’, ст. 333):

Но если все одним наполнено умом,
Творение твое преобразится льдом;
Сухое чтение читателю наскучит,
Читателей своих Поэт играя учит;
(ст. 167-170)

Следующий пассаж (ст. 171-200) посвящен принципу decorum – приличия, благопристойности, точнее: соответствия изображаемого предмета и средств изображения: “Употребляй слова намерений по свойству” (ст. 173); “Вещая о царях порфирой украшайся” (ст. 193). Поэт излагает на примерах, как подобающим образом соблюдать правило decorum, изображая, в частности, добродетель. Примечательно, что

категория благопристойности распространяется также на благозвучие: “В стихах ни гласных букв, ни жестких не сливай” (ст. 192). Советы касаются, не в последнюю очередь, также стилистического соответствия изображаемого и изображения (ст. 194-197): Херасков предостерегает начинающего поэта, не путать, изображая “высокие материи”, возвышенного и напыщенного.

В последнем пассаже второй части (ст. 201-210) Херасков настоятельно рекомендует применение в поэзии критерия ясности и связанных с ней качеств (естественности, отделанности, понятности). Порицаются, напротив, “пустословие, нелепица и тьма” (ст. 204), так как велеречивые, невнятные и непонятно написанные произведения создают лишь подобие многомыслия, глубины и ума. На этом фоне поэт формулирует правило:

Стихи тогда умны, разительны, прекрасны,
Когда естественны, замысловаты, ясны.
(ст. 205-206)

Херасков завершает данный пассаж маленьким личным отступлением, в котором он, ссылаясь на свой поэтический стаж (“Искав беседы муз уже я поседел”; ст. 207), утверждает, что он в своем собственном творчестве придерживался именно идеала ясности: “мои стихи не пышны, но понятны” (ст. 210).

Третья часть поэмы Хераскова наиболее близка к жанру стихотворного трактата о поэтическом искусстве. Отдельные пассажи посвящены различным конкретным проблемам поэтики; обсуждая их, автор щедро делится с читателем своими мыслями о поэзии, вылитыми в отточенные сентенции (“Поэзия есть дар не адский, но небесный”; ст. 242) и афористически отделанные поэтические правила.

Рассуждения Хераскова лишены строго систематического порядка, хотя наблюдается приблизительное членение на отдельные жанры. Начальный пассаж третьей части (ст. 211-242) внешне посвящен комедии и сатире (“К театру изберешь или к сатирам путь”; ст. 211), но речь идет, в сущности, о правильном способе подачи основного предмета этих жанров – изображения пороков и добродетелей. Основное правило здесь – не впадать в крайности: “Все грешны! – но не всяк достоин быть повешен!” (ст. 230).

Здесь встречается и традиционная отсылка к авторитету Мольера, однако она дополнена примечательной оговоркой:

Когда представить нам желаешь лицемера,
Иль скупость подлую, учися у Мольера;

Но живописи вид дать прозе и стихам,
В сердца развратные взгляды лучше сам;
(ст. 213-216)

Херасков, таким образом, опять рекомендует начинающим писателям не следовать образцам, а самостоятельно развивать своих персонажей, наблюдая человеческую природу.

Прежде, чем перейти к жанру трагедии, Херасков отводит четыре стиха вопросу о рифме:

О рифмах не скажу Поэту ничего,
Не украшение, игрушка то его,
Обычаем они во стихотворство вкрались,
Но лучше, чтоб они не скудными казались.
(ст. 243-246)

Явно отделяваясь от этого предмета, включенного в поэтический трактат скорее по жанровой инерции, чем по убеждению в его важности, автор, тем не менее, высказывает в этих немногих стихах ряд нетривиальных суждений. Херасков, сам экспериментировавший с безрифменными стихами еще со времен ‘Новых од’ (1762), считает и сорок лет спустя рифму элементом стиха, в сущности, ненужным; рифмы применяются в стихотворениях лишь в силу традиции; но если уж пользоваться ими, то желательно, чтобы они были свежи и оригинальны.

Жанру трагедии посвящен всего лишь маленький пассаж в шесть стихов (ст. 247-252). Согласно ему, трагедия – это место изображения “пламенных страстей” и “нежностей любви”; чтобы преуспевать в этом жанре, следует подражать *Федре* Расина. Пассаж завершается списком образцовых трагиков: “Софокл, Есхил, Расин, Корнелий и Вольтер” (ст. 252). Еще быстрее Херасков отделяется от жанров оды и притчи:

Великих мы певцов во всех имеем родах;
Со Ломоносовым пари в гремящих одах;
Шути с Державиным, иль Бога воспевай,
И с Лафонтенами нас в притчах научай.
(ст. 253-256)

В первом стихе варьируется один из топосов русской литературы XVIII века в утверждение полноценности отечественной словесности;¹⁰ в лице Ломоносова назван примерный представитель торжественной оды; Державин упомянут как образцовый автор духовной оды. Образцовым баснописцем представлен Лафонтен, причем в множественном числе – т. е. с превращением его фамилии в имя нарицательное.

Жанру эпической поэмы посвящен десяток стихов (ст. 257-266). Как для автора *Россияды*, советы на эту тему достаточно скудны; они сводятся, в сущности, к выбору достойного предмета:

Коль хочешь ты создать эпическу поэму,
Сыщи приличную великой цели тему;
(ст. 257-258)

В качестве такой “приличной темы” назван и в нескольких строках начертан сюжет победы Петра I над шведами 1709 г. (“Воспой великого Петра мне под Полтавой”; ст. 262). Не совету ли Хераскова внял впоследствии Пушкин, создав в 1828 г. свою ‘Полтаву’?

Следующие за пассажем о жанрах три четверостишия посвящены трем различным вопросам. В первом из них (ст. 267-270) говорится о языке. Одно из указаний гласит: “Не порти русского французским языком”. Речь идет, конечно же, не о макаронизмах (эта проблема была актуальная в первой половине XVIII века). Херасков предостерегает начинающего поэта не злоупотреблять не столько заимствованиями, сколько кальками из французского, как характерным признаком языка карамзинистов.

Следующее четверостишие (ст. 271-274) посвящено работе над стихом: “Не бабочкой с стиха на стих перелетай”. Херасков высказывается против импровизации, советуя тщательно отделять литературные произведения, перечитывать написанное, править и “шлифовать” стихи.

Последний конкретный совет Хераскова (ст. 275-278): чтобы сочинять стихи, надо ждать вдохновения; “вниманье муз”, “парнасский огонь”, “восторг” – все это метафорические обозначения поэтической инспирации.

Заключительный пассаж поэмы (ст. 279-300) состоит из двух частей. Первая из них (ст. 279-292) представляет собой своего рода резюме всему сказанному; общий вывод из совокупности советов и предписаний заключается в соблюдении благопристойности. Таким образом, верхним поэтическим правилом является принцип *decorum*, сформулированный, с одной стороны, как запрет низменной формы (“Речами подлыми не оскорбляй”); с другой стороны, как запрет низменного – сюжетного и идейного – содержания (“Не развращай в стихах читателей нравов”).

Другим общим выводом является предостережение соблюдать правила поэтики (“Держись предписанных в поэзии уставов”; ст. 286); затем следует небольшой набор более или менее обобщенных предписаний – любить “красоту” и “чистоту слога”, писать естественным, органическим образом (“Чтобы стихи твои текли всегда свободно”; ст.

289), не употреблять слишком вычурные рифмы (“Рассудка здравого для рифм не презирай”; ст. 291). Последний стих данного пассажа: “И растворенным ртом в свирелку не играй” (ст. 292) следует, по-видимому, понимать как совет, сначала овладеть (поэтической) техникой, прежде чем писать стихи.

Обобщающий характер имеют также заключительные строки поэмы (ст. 293-300). Очередное наставление о том, чтобы придерживаться поэтических законов, сопровождается перечнем основных законодателей: Горация, Буало и Сумарокова как авторов стихотворных трактатов о поэтике. Херасков ставит, таким образом, и себя в этот ряд. Однако этим апофеозом законов и законодателей поэма не завершается; несмотря на все увещевания о необходимости соблюдения правил поэтики, в последних двух стихах Херасков восстанавливает первое и непрерывное условие для того, чтобы стать настоящим поэтом – наличие “вдохновения”, т. е. одаренности, таланта.

Херасков неоднократно излагал свою эстетическую и поэтологическую позицию: в стихотворениях о поэзии, в предисловиях к поэмам и к переводам, в повествовательных произведениях. В теоретических введениях он, в частности, подсказывает, как читать данный текст, указывает на свои образцы, или, наоборот, подчеркивает оригинальность своего сочинения. В рамках настоящей статьи уместно будет бегло рассмотреть некоторые поэтологические стихотворения Хераскова, предшествующие ‘Поэту’.

В *Новых одах* 1762 г. (впоследствии они вошли в *Творения* как ‘Анакреонтические оды’) Херасков посвящает ряд стихотворений теме поэзии. Начальный и программный текст, ода I ‘К своей лире’, содержит постулат, что простота слога должна соответствовать простоте чувств:

Готовься ныне лира,
 В простом своем уборе
 Предстать перед очами
 Разумной россиянки.
 [...]
 Своею простотою
 Ее утетишь боле,
 Чем громкими струнами
 И пышными словами;
 Твои простые чувства,
 Бесхитростное пенье
 Ее подобно сердцу,
 Ее подобно духу.¹¹

Основная цель поэзии – прославлять добродетель. Именно как синоним добродетели следует, по-видимому, понимать слово “справедливость” в следующем пассаже данного стихотворения.¹² Поэзия должна при этом “prodesse et delectare” – развлекая, давать нравственные поучения:

Без рифм стихи слагаю,
Но то их не лишает
Приятности и силы,
Коль есть в них справедливость.
Других нет правил в свете
Стихи и лиры строить,
Как только чтоб с забавой
Мешая общу пользу,
Петь внятно и согласно.¹³

Чтобы достичь этой цели, поэту нужно писать “внятно и согласно” – все это синонимы таких ключевых слов стихотворения как “простой”, “простота”, “бесхитростное” и т. п. В подобных выражениях проявляется близость Хераскова к рационалистическому направлению русского классицизма сумароковской школы. Свое убеждение в том, что язык поэзии должен быть ясен и понятен, Херасков высказывает и 50 лет спустя в ‘Поэте’:

Стихи тогда умны, разительны, прекрасны,
Когда естественны, замысловаты, ясны.
Искав беседы муз уже я поседел,
И, может быть, всегда стихи не стройно пел,
Кому-нибудь они быть могут неприятны;
Пусть так! – мои стихи не пышны, но понятны.
(ст. 205-210)

Если в первом стихотворении сборника *Новые оды* Херасков пишет о свойствах поэзии, то в оде X ‘О важности стихотворства’ он описывает необходимые качества поэта;¹⁴ это, с одной стороны, “разум” и “остры мысли”, а с другой стороны, “дух и сердце”, т. е. талант и способность чувствовать:

Достичь горы Парнасской
И лавра стихотворна
Охоты не довольно
И прилежанья мало;
К тому потребен разум,
[...]
Потребны остры мысли,

Чтоб связи всей природы
 Проникнуть сильны были;
 Потребны дух и сердце,
 Которы ощущают
 Людские страсти точно
 И ясно сообщают
 Их силу и движенье,
 Болезнь, изнеможенье.¹⁵

Умение изображать “людские страсти” как обязательное свойство поэта – это традиционный мотив стихотворных поэтик, начиная с Горация: “si vis me flere, dolendum est / primum ipsi tibi [если хочешь, чтобы я плакал, ты должен сначала страдать сам]” (‘Ars poetica’, сс. 102-103). Ср. у Буало: “Mais un froid écrivain ne sait rien qu’ennuyer [Но холодный писатель способен лишь наскучить]” (*L’art poétique*, IV, 38); у Сумарокова (в *Епистоле II*): “Но хладен будет стих и весь твой плач – притворство, / Когда то говорит едино стихотворство.”¹⁶ Данный мотив возникает впоследствии неоднократно и в херасковском ‘Поэте’:

Ты хладен, случай сей когда тебя не тронет.
 Поэт с несчастными льет слезы, страждет, стонет.
 (ст. 113-114)

Но если все одним наполнено умом,
 Творение твое преобразится льдом;
 Сухое чтение читателю наскучит,
 (ст. 167-169)

Херасков прямо-таки парафразирует стихи Буало и Сумарокова, соединяя отдельные мотивы предшественников в одно целое.

Как классицист и последователь Сумарокова, Херасков – приверженец простоты и гладкости слога, внятности поэтического произведения в дидактико-моралистических целях. Так как он одновременно подчеркивает значение сферы чувств, высказываясь за соединение сердца и разума (предвосхищая “Чувствительное Просвещение”¹⁷ в духе Карамзина), его возможно рассматривать и как предшественника сентиментализма.¹⁸

Общим знаменателем всех эстетических и мирозерцательных воззрений Хераскова было масонство.¹⁹ Именно активное участие в движении русских розенкрейцеров, расцветшем в России во второй половине XVIII века, объясняет “синкретизм стилей” и “синкретизм источников”²⁰ поэта. В этом смысле Херасков предстает как “единственный поэт-масон, который в то время считался – справедливо или нет,

это другой вопрос – крупной поэтической величиной в литературе вообще, а не только в масонской”.²¹ Примером гармонического слияния мудрости познавательного разума с христианством²² являются херасковские ‘Мысли, почерпнутые из Экклезиаста’ (1765).²³

Херасков сам указывает на соответствующий подтекст своего творчества, например, в романе *Кадм и Гармония* (1789) или в поэмах ‘Пилигримы’ (1795) и ‘Вселенная’ (1797). Особенно в его позднем творчестве аллегорический смысл произведений в духе масонского учения становится господствующим.²⁴ Самопознание и самосовершенствование, стремление к добродетели и, следовательно, понятие религии как “внутренней церкви” – это характерные черты учения розенкрейцеров.

В. И. Сахаров сообщает: “Масонство как культурное явление изначально поэтично, о чем писал еще в прошлом веке знаток тайн ордена Альберт Мэки”,²⁵ в обществе вольнокаменщиков особую роль играло “слово” и связанная с ним фигура “брата Ритора”.²⁶ На этом фоне особый вес получают вопрос о назначении поэта и изображение природы. Публикации в журналах, издаваемых самим Херасковым, и позже в периодических изданиях Карамзина, выражают не только его мировоззренческую, но и поэтологическую позицию; простота слога, в частности, отождествляется с чистотой разума и сердца, так как поэтическое творчество – это отражение духовной красоты.²⁷

Особо важным моментом масонского учения является принцип самопознания. В книге И. В. Лопухина *Искатель Премудрости или Духовный рыцарь* (1791), где описывается ритуал посвящения в масонство, как первые два завета значатся: “Познай себя, обрящещи блаженство внутрь тебя суще” и “Блажен! слышаший в сердце своем громогласное вещание Слова Божия, и зрящий откровение Божественного света в Натуре”,²⁸ “посвящаемого” впускают в “Комнату Приуготовления” с завязанными глазами; перевязка снимается в конце церемонии, когда он получает “новое зрение”. Связанные с этим обрядом мотивы встречаются и в поэзии Хераскова. В 1769 г. он опубликовал сборник *Философские оды или песни*, где в поэтической форме изложено его мировоззрение. В заключительных словах оды ‘Чтение’ Херасков провозглашает первый лозунг свободных каменщиков:

Останься в сладостной надежде,
Что Вышний просветит тебя;
Однако ты старайся прежде
Познать и чувствовать себя.²⁹

Мотив “Γνῶθι σεαυτόν” (“Познай самого себя”) возникает и в ‘Поэте’, притом в самом начале произведения:

Коль хочешь ты узнать, рожден ли ты поэтом,
 Не в слогах тайну ту, не в рифмах заключай;
 Но чувства собственны и мысли примечай,
 (ст. 2-4)

Понятие “сотворенности мира” лежит в основе масонского учения: натура представляет собой богоявление; в ее красоте выражена гармония вселенной. Следуя Хераскову, первое назначение поэта – это воспевание природы как теофании; в той же оде ‘Чтение’ значится:

Читай, о смертный! книгу вечну,
 Читай всегда и ночь и день:
 Премудрость узришь бесконечну,
 И скуки тем разгонишь тень.

Под “книгой вечной” Херасков подразумевает именно природу, употребляя традиционный топос “*liber naturae*”. Этот мотив распространен в эпоху Просвещения в рамках физико-теологических концепций, например, у Ломоносова; но если у Ломоносова этим образом выражен “благоговейный и одновременно исследовательский взгляд на сотворенную Богом природу”,³⁰ то у Хераскова взгляд на природу не обязательно связан с научными представлениями; для него – и вообще для розенкрейцеров – натура есть в первую очередь божественное явление, открывающееся лишь избранным.³¹ Мотив природы господствует в ‘Поэте’ с самого начала:

Приводит ли тебя в восторг, во изумленье,
 Вселенной дивное из хаоса явленье? –
 Ты внемлешь ли, как рек Творец: да будет свет! –
 Свет бысть! и тысячи явились вдруг планет.
 (ст. 5-8)

Здесь налицо пример синкретизма розенкрейцеровского мировоззрения. Античная космогония (создание мира из хаоса) и масонский лозунг “*ordo ab (a) chaos*”³² сливаются с библейским “*fiat lux*” (создание мира из ничего как акт воли Божией) и с астрономическими представлениями. Все эти различные философские и духовные традиции объединяются в представлении розенкрейцеров в признании божественного творения мира.³³

В непосредственной связи с изображением сотворения вселенной Херасковым намечен целый ряд образов, отражающих противопоставление света и мрака:

На небе голубом когда *заря* явится
 То кажется ль тебе, что паки мир творится?
 Рождаются опять вселенныя красы; –
 И *солнечных* коней впрягаючи часы; –
 Там *лучезарный Феб*, последуя *деннице*,
 На поприще *златом*, в *алмазной* колеснице,
 Венчаный розами из вод выводит *день*;
 От *света мрак* бежит, одну покинув *тьнь*.
 (ст. 9-16)

Здесь представлено рождение дня – *Утренний свет*, как гласит название одного из масонских журналов Новикова (1777-1780); стих за стихом Херасковым выстраивается образ сотворения дневного мира, вплоть до последней строки, где свет торжествует над мраком. Сопоставим данные образы с текстом ‘Духовного рыцаря’ Лопухина:

Вводитель [...] открывает кандидату глаза, [...] и при сем ему скажет: “Щастлив будешь, брат, естли живо ощутишь в себе тму невежества и мерзость пороков, и их возненавидишь. Сие ощущение спасительно для тебя будет, и может дать тебе существенное средство в единый час, в единую даже минуту духовно приблизиться к *Источнику Света*, который живет во внутреннем и близь есть воистину Ищущих Его”. Советует Кандидату примечать и испытывать все им видимое, и все окружающее его.³⁴

Другое значение приобретает, таким образом, серия из тридцати вопросов в первых 118 стихах (“Кажется ль тебе...”; “Зримы ли тебе...”; “Ты видишь...”; “Является ль тебе...”; “Тронут ли твой слух...”; “Видит твой дух...”; “Ты воображаешь...”; “Мечтается ль тебе...” и т. д.). Все вопросы относятся к внутреннему зрению, достижимому после нового рождения уже на этапе “принятия” к тем избранным, которые участвуют “в великом деле обновления”.³⁵ Поэтический образ “обновления” представляет собой весна:

Весны приятный взор, дыхание ее,
 Вселенной новое дарует бытие;
 (ст. 33-42)

Так как масон – избранник, “слышащий в сердце своем громогласное вещание Слова Божия, и зрящий откровение Божественного света в *Натуре*” (Лопухин), так и истинный поэт – избранник, способный внимать голосу Бога и зреть духом божественную гармонию:

Небесной тронут ли гармонией твой слух?
 Не плотские глаза, но видит ли твой дух
 [...] (ст. 43-44)

Это именно “дух”, который видит, а не “плотские глаза”, потому что речь идет о воображении, а вместе с тем о внутреннем видении, вчувствовании как поэтического, так и масонского адепта. Природа говорит к тому, кто в состоянии ее слушать:

Где для простых очей совсем предметов нет,
Рисует, видит там и чувствует Поэт.
(ст. 63-64)

Определив, таким образом, особые свойства поэта, Херасков в дальнейшем подчеркивает основную задачу поэзии (и розенкрейцеров) – изображение (и указание) правильного пути к добродетели:

Светильник совести коль хочешь в ком возжечь
И к добродетели упорный дух привлечь,
Изобрази ее божественну, любезну
(ст. 179-181)

В зеркале чистых душ сияет сам Создатель,
Без добрая души не может быть писатель,
Иль будет холодно он думать и творить,
О добродетелях где станет говорить;
(ст. 237-239)

Понятие добродетели, само по себе значимое в рамках эстетики классицизма, принимает в контексте масонской символики (“Светильник [...] возжечь”, “В зеркале чистых душ”) специфическую окраску.

Последний пример близости масонского мировоззрения и херасковских наставлений начинающему поэту можно усмотреть в образе Сократа:

Сократ при старости в темнице яд пьющий
Ученикам своим советы подающий,
Чтоб важно говорил в творении твоём,
Чтоб слезы пролил я сердечные о нём;
(ст. 185-188)

С одной стороны, данный мотив восходит к Горацию (“Ars poetica”, 309-311), где философ выступает в качестве источника знания:

Scribendi recte sapere est et principium et fons.
Rem tibi Socraticae poterunt ostendere chartae,
verbaque provisam rem non invita sequentur.

Знание это основа и начало тому, чтобы правильно писать.
Сократические творения смогут представить тебе предмет,
И слова последуют сами собой, когда обдуман предмет.

С другой стороны, Сократ встречается в масонской литературе как один из “искателей Премудрости” (Лопухин) – как мастер, “ученикам своим советы подающий”.

В поэтических образах Хераскова, как и вообще в масонских представлениях, классическая традиция сливается со Священным писанием, гностические тексты с герметизмом, классики масонского мышления как Беме и Сен-Мартен с произведениями философов-современников как Вольтер и Руссо.

В заключение можно задуматься над вопросом, с какой собственно целью 72-летний Херасков написал свое предсмертное произведение. Это, безусловно, поэтическое завещание престарелого поэта, который таким образом лишний раз утверждает свое место в истории русской литературы, настаивая на вечных истинах своих философских, религиозных, эстетических и поэтологических воззрений. Примечательно в этом контексте, что делает он это безо всякой непосредственной полемики с пришедшими ему на смену литературными течениями и их представителями.

В приложении произведение Хераскова ‘Поэт’ печатается в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации; сохранены некоторые особенности, связанные с произношением и отражающие “дух эпохи” или индивидуальную авторскую манеру (например, ст. 24: “цыклопы” вместо “циклопы”; ст. 159: “митологии” вместо сегодняшней “мифологии”). Унифицировано, в частности, употребление прописных и строчных букв в тексте; восстановлено написание с заглавной буквы имен собственных (ст. 77: Трюю; ст. 104: Ренод [т. е. Ринальдо, герой Торквато Тассо]; ст. 119: Парнас); напротив, упразднено написание с прописной буквы таких имен нарицательных, как “Нимфы”, “Зефиры” и т. п.); сохранены, однако, особенности написания с заглавной буквы слова “Поэт” (впрочем, в издании 1805 г. оно тоже не повсюду выдержано).

Анализ правописания в данном издании показывает, что корректура текста была в свое время выдержана достаточно плохо – в тексте сравнительно много опечаток. Вполне возможно, что держал корректуру не сам Херасков; иначе трудно объяснить наличие в оригинальном тексте такого стиха, как: “Не бабочкой с тиха на стих перелетай” (ст. 271), где подразумевалось, конечно, “Не бабочкой с стиха на стих перелетай”. Перечислим и другие случаи, в которых мы провели подобную эмендацию текста. “Мечтается ль тебе с жезлом свинцовым в ночь” (ст. 60) исправлено на: “Мечтается ль тебе с жезлом свинцовым ночь”; “Прославилась ми все грядущи времена” (ст. 264) исправлено на: “Прославилась на все грядущи времена”.

 ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Приносим нашу благодарность С. И. Николаеву за предоставление
 текста. См. приложение.
- 2 М. М. Херасков, *Избранные произведения*, вступ. ст., подгот. текста и
 примеч. А. В. Западова, Ленинград, 1961.
- 3 См.: Л. И. Кулакова, ‘Херасков’, *История русской литературы*, в 10 т.,
 АН СССР, Москва; Ленинград, 1947, т. 4. *Литература XVIII века*, ч. 2,
 сс. 334, 341; А. В. Западов, ‘Творчество Хераскова’, М. М. Херасков,
Избранные произведения, сс. 44, 375; Н. Д. Кочеткова, ‘Херасков’,
Словарь русских писателей XVIII века, Санкт-Петербург, 2010, вып. 3
 (Р–Я), с. 358; И. Клейн. *Пути культурного импорта. Труды по русской
 литературе XVIII века*, Москва, 2005, с. 316.
- 4 Стихи “Напрасно на Парнас слагатель смелый всходит, / Коль Аполлон
 его на верх горы не взводит” – это неточная цитата из *Епистолы II* А. П.
 Сумарокова; ср.: “Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит...”
 (А. П. Сумароков, *Избранные произведения*, вступ. ст., подгот. текста и
 примеч. П. Н. Беркова, Ленинград, 1957, с. 116).
- 5 Отметим, что в 1801 г. Российская Академия предлагала Хераскову
 написать ‘Пиитику’, а он отказался из-за старости (Н. Д. Кочеткова,
 ‘Херасков’, с. 358).
- 6 См.: L. Suchanek, *Preromantyzm w Rosji*, Kraków, 1991, с. 89.
- 7 А. Янушкевич, ‘Примечания’, В. А. Жуковский, *Полное собрание
 сочинений и писем*, в 20 т., Москва, 1999, т. 1, с. 444.
- 8 См.: М. Шруба, ‘Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина’, *XVIII век*,
 2006, сб. 24, сс. 296-311; здесь: с. 308.
- 9 А. П. Сумароков, *Избранные произведения*, с. 116.
- 10 Ср. в эпистоле Сумарокова: “Прекрасный наш язык способен ко всему”
 (там же, с. 125).
- 11 М. М. Херасков, *Избранные произведения*, с. 74.
- 12 Не исключено также, что слово “справедливость” обозначает здесь со-
 блюдение правил: можно писать безрифменные стихи, если все
 остальное соответствует правилам.
- 13 Там же, с. 75.
- 14 Ср. об этом также у Е. Д. Кукушкиной:

В познании человека и мирового порядка Херасков придавал особое значение поэтическому творчеству. Он полагал, что истинный поэт, разум которого “чист” и “светел”, чье сердце ощущает людские страсти и кто способен точно изобразить “их силу и движенье, болезнь, изнеможенье”, такой поэт способен “проникнуть” и “связи всей природы” (“О важности стихотворства”, [...]). Таким образом, поэзия, по мнению Хераскова,

могла преодолеть трудности в изложении “собственной науки человека” – нравочужения.

(Е. Д. Кукушкина, ‘Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни’, *XVIII век*, 2002, сб. 22, с. 102)

- 15 М. М. Херасков, *Избранные произведения*, сс. 80-81.
- 16 А. П. Сумароков, *Избранные произведения*, с. 118.
- 17 См.: И. Клейн, *Русская литература в XVIII веке*, Москва, 2010, с. 349.
- 18 См.: А. D. Siclari, *Sentimentalismo e preromanticismo in Russia*, Milano, 1990, сс. 7-27; D. Rizzi, ‘Cheraskov traduttore di Pope: un manoscritto russo a Venezia e la nascita del sentimentalismo’, *Archivio russo-italiano IV*, A cura di D. Rizzi e A. Shishkin, Salerno, 2005 (*Europa Orientalis*, Vol. 6), сс. 203-242.
- 19 О сложном вопросе распространения масонства в XVIII веке и о различных масонских учениях см.: R. Faggionato, ‘Un’ utopia rosacrociana. Massoneria, rosacrocianesimo e illuminismo nella Russia settecentesca: il circolo di N.I. Novikov’, *Archivio di storia della cultura*, Napoli, 1997, т. 10, сс. 11-276; R. Faggionato, *A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-Century Russia: the Masonic Circle of N.I. Novikov*, Dordrecht, 2005.
- 20 См.: И. Клейн, *Русская литература в XVIII веке*, сс. 197-200. В книге Клейна речь идет, правда, не о теории, а о литературной практике Хераскова в рамках его *Россияды*.
- 21 И. Н. Розанов, ‘Михаил Матвеевич Херасков’, *Масонство в его прошлом и настоящем*, сост. С. П. Мельгунов, Н. П. Сидоров, Москва, 1915, т. 2, с. 38. Репринт: Москва, 1991.
- 22 См.: Г. В. Вернадский, *Русское масонство в царствование Екатерины II*, изд. 3-е, исправленное и расширенное, под ред. М. В. Рейзина и А. И. Серкова, Санкт-Петербург, 2001, сс. 133-216; здесь: с. 147.
- 23 См.: М. Вендитти, ‘Истолкование мотивов из Экклезиаста в XVIII веке: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина’, *XVIII век*, 2008, сб. 25, сс. 130-157; здесь: с. 134.
- 24 См.: В. И. Сахаров, ‘Русская масонская поэзия XVIII века (К постановке проблемы)’, *Русская литература*, 1995, № 4, сс. 3-26.
- 25 Там же, с. 13.
- 26 См.: С. В. Аржанухин, *Философские взгляды русского масонства: по материалам журнала “Магазин свободнокаменнический”*, Екатеринбург, 1995, с. 213. “Бр[ат] Ритор словом пленяет разум слушающего в послушание веры.”
- 27 См.: Н. А. Тарасова, *История отечественной периодики XVIII века*. Петрозаводск, 2009, с. 162.
- 28 И. В. Лопухин, *О ЗНЛОСГОФОС. Искатель Премудрости или Духовный рыцарь*, б. м., 5791 [1791], с. 7.
- 29 М. М. Херасков, *Творения*, Москва, [1800], ч. 7, *Разныя сочинения*, с. 392.
- 30 И. Клейн, *Русская литература в XVIII веке*, с. 126.

-
- 31 Ср.: “Мышление русского масона – это верующее мышление, и только верующему мышлению доступно осуществить все акты познания. Без Откровения, считали вольные каменщики, единство веры и разума не может осуществиться во всей полноте и ясности” (С. В. Аржанухин, *Философские взгляды русского масонства*, с. 197).
- 32 См., например, <http://www.masonicdictionary.com/ordoabchao.html> [26.02.2012].
- 33 О “розенкрейцерской утопии”, см.: R. Faggionato. ‘Un’ utopia rosa-stosiana; об утопии у Хераскова’; см.: Т. В. Артемьева, *От славного прошлого к светлому будущему*, Санкт-Петербург, 2005, сс. 372-404.
- 34 И. В. Лопухин, *О ЗНЛОСГОФΟΣ*, сс. 8-10.
- 35 Там же, с. 41.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЭТ

Москва 1805

В типографии Христофора Клаудия

Напрасно на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.

Сумарокова II Эпистола

I.

Воспользуйся моим, о! юноша, советом,
Коль хочешь ты узнать, рожден ли ты поэтом,
Не в слогах тайну ту, не в рифмах заключай;
Но чувства собственны и мысли примечай:
5 Приводит ли тебя в восторг, во изумленье,
Вселенной дивное из хаоса явленье? –
Ты внемлешь ли, как рек Творец: да будет свет! –
Свет бысть! и тысячи явились вдруг планет.

На небе голубом когда заря явится
10 То кажется ль тебе, что паки мир творится?
Рождаются опять вселенныя красы; –
И солнечных коней впрягаючи часы; –
Там лучезарный Феб, последуя деннице,
На поприще златом, в алмазной колеснице,
15 Венчанный розами из вод выводит день;
От света мрак бежит, одну покинув тень.

Возшед на брег крутой и понт простерши взгляды
Там зримы ли тебе тритоны и наяды?
Когда борей ревет, свирепствуют моря,
20 Ты видишь ли на них Нептуна, их царя,
Который в горы волн трезубцем ударяет,
Смириться! он вскричал, и волны усмиряет;
К пещере подступив, внимаешь ли ты тут,
Перуны для громов цыклопы как куют?
25 Как вихри в ней шумят и ветры заключенны,
Эолу от небес в подданство порученны? –
Является ль тебе средь нимф любви божок,
Зовущий их гулять, на пестринькой лужок,
И там знакомя их с младыми пастухами,
30 Сердца у них язвит горящими стрелами,

Смеется ревности, смеется ссорам их;
То вежлив, то угрюм, то ласков к ним, но лих.

Там зримы ли тебе насмешливы сатиры?
Целуют ли цветки в глазах твоих зефиры?
35 И юная тебе мечтается ль весна,
Когда веночками украсится она;
Как тихо ветерки власы ее взвевают,
Где ступит, ручейки и травки оживают;
Весны приятный взор, дыхание ее,
40 Вселенной новое дарует бытие;
Воскресли ль для тебя невинные утехи,
Забавы сельские, прогулки, игры, смехи?

Небесной тронут ли гармонией твой слух? –
Не плотские глаза, но видит ли твой дух
45 Из пены серебряной рожденную Венеру?
Златыми класами венчанную Цереру?
Простерши в летний день к лесам дремучим взгляд,
Ты воображаешь ли живущих там дрияд?
И может ли твоя изобразить мне лира
50 Шептание древес, лазурный вид эфира?
Когда ручей в траве по камышкам журчит,
То кажется ль тебе тут нимфа говорит?
И ль пение сирен, мешаясь со струями,
Доходит ли к тебе с шумящими волнами? –
55 Куда творительный в восторге дух парит,
Всему дает он вид и все животворит;
Там камень чувствует, там речки воздыхают,
Там горы к небесам чело, гордясь, вздымают.
Черноволосая в звездах хаоса дочь,
60 Мечтается ль тебе с жезлом свинцовым ночь,
Которым на земле к чему она коснется,
Все меркнет, дремлет все, покою предается. –
Где для простых очей совсем предметов нет,
Рисует, видит там и чувствует Поэт.

65 Поэт в изгнании, в бедах, в уединенье,
Удобен веселить свое воображенье,
Он с музами поет, он с ними говорит,
Взлетает выше звезд, и сам миры творит!
Когда ты чувствовать и мыслить так умеешь,
70 То верь, что Гения поэзии имеешь;
Не думай так писав, что вымысл твой за бред
Или химерою читатель твой почтет;

Виргилий и Назон стихи такие пели,
Но славу приобрести бессмертную умели.

II.

- 75 Поэт ли ты? – Когда желаешь испытать,
Энея вздумашь, Ильяду ли читать,
Почувствуй, мыслями преносишься ль под Троию,
Среди кровавого летаешь ли там бою? –
Ты зришь ли, как Аякс натягивает лук,
80 Его свистящих стрел внимаешь ли ты звук?
Ты видишь ли, как взгляд Зевесов в гневе блещет,
Нахмурил брови он, и мир, вздрогнув, трепещет.
Является ль тебе ярящийся Гектор,
На гречески полки бросающ грозный взор,
85 Как бурный вихрь, крутя пески, дуброву клонит,
Так с пламенем в руке, он к морю греков гонит.
За смерть Патроклову там сын Пелеев мстит;
И Ксант, сражаясь с ним, волнуется, кипит, –
Живые видишь ли Гомеровы картины?
90 Горящи корабли, Олимповы вершины, –
На коем восседит отец богов Зевес,
И в чаше греков зрит с Пергамом перевес?
Мечтаются ль тебе треножники ходящи?
Мечи и копья треск в бою производящи?
95 Приводит ли тебя к печали и слезам
О сыне плачущий троянский царь Приям? –
Страшна ли для тебя Минервина эгида? –
Торкватова тебя прельщает ли Армида;
Гуляешь ли у ней в роскошных ты садах,
100 В серебристых видишь ли игривых нимф водах?
Хрустальны ручейки, там в травке змейкой вьются,
Деревья нежатся, кустарники смеются?
Армидин слышишь ли на бреге жалкий глас,
Когда от плачущих Ренод сокрылся глаз,
105 Ее печальный вопль, которым дух мятется,
В устах остановясь, по сердцу раздается. –
И рай потерянный, когда поет Мильтон,
Приводит ли тебя во изумленье он? –
Денницы гордя ты видишь ли паденье;
110 Адамово тебя крушит ли преступленье?
И сильно ль чувствовать себя тот грех велит,
Когда он в яблоке смерть с Евою делит?
Ты хладен, случай сей когда тебя не тронет.
Поэт с несчастными льет слезы, страждет, стонет.

-
- 115 С Энеем мысленно нисходишь ли во ад,
И чувствуешь ли там палящий зной и хлад?
Приводят ли тебя во ужас грешных стоны?
Меж теней видишь ли тень бледную Дидоны?
- 120 Дерзая на Парнас за гениями в путь,
Повествователем и живописцем будь;
Усиливай полет, распростирая крылы
Воображательны и чувственные силы. –
Когда звездой своей соделан ты поэт,
Пиши как будто бы других поэтов нет;
- 125 К натуре обрати душевное вниманье;
Другим последовать есть только подражанье;
Чужих детей нельзя законным быть отцем.
Бог создал мир! и ты будь мысленно творцем.
Забудь Вергилия и Тасса и Гомера;
- 130 При вымыслах беги писателей примера;
Из собственных даров искусство почерпай;
Мильтона не читав, потерянный пой рай; –
Коль ужас мне в стихах наводит ратоборец,
Все живо в них! – скажу: писал их стихотворец!
- 135 Но дар поэзии хотя в тебя и влит,
Он, может быть, в душе не действуя лежит,
Такое возбудит влиянно свыше чувство,
Потребно знание, потребно нам искусство;
И Ломоносов бы не знаем в мире был,
- 140 Когда б науками ума не просветил;
Так семя, вверенно земле, таясь не зреет,
Когда не пьет росы, и солнца луч не греет. –
Природу ежели кто хочет воспевать,
Он свойственные ей законы должен знать;
- 145 Красот поэзии не ставь в словесных звуках,
Имей понятие, имей о всех науках; –
Причти художества способностей к числу,
Ко всякому имей вниманье ремеслу; –
Когда описывать корабль тебе случится,
- 150 Да твой корабль челном ни лодкой не явится,
Дабы сокол в стихах не ласточкой летал,
И в рощах соловей не коршуном свистал;
Вникая в физику, науку знай врачебну, –
И географию стихам твоим потребну;
- 155 Читай историю; – обильну пищу там
Ты можешь обрести и прозе и стихам,
Веков мятежный ход, фортуны коловратность,
Рожденье новых царств, их временную знатность.

Из митологии чудесность почерпай
 160 И вымыслами нас разумно восхищай. –
 О! как мне повести приятны баснословны! –
 Язык свой знать, читай писания духовны.
 Не льстися, если ты склады писать привык,
 Что можешь быть творцом или судьей книг,
 165 К тому принадлежат способность, зрелость, знанье;
 И песню написать, потребно дарованье.

Но если все одним наполнено умом,
 Творение твое преобразится льдом;
 Сухое чтение читателю наскучит,
 170 Читателей своих Поэт играя учит;
 Сбирай в стихах со всей природы красоты;
 Будь важен; – но везде рассыпь свои цветы; –
 Употребляй слова намерений по свойству; –
 Коль хочешь вспламенить отважный дух к геройству,
 175 Примеры приводи, военный подвиг славь,
 Но нам разбойником героя не представь;
 Благоразумию да будет он послушен,
 В бою неустрашим, в миру великодушен.

Светильник совести коль хочешь в ком возжечь
 180 И к добродетели упорный дух привлечь,
 Изобрази ее божественну, любезну –
 Полезну в бедности, в обилии полезну,
 И как удобно ей сердца те услаждать
 Которым счастья нельзя в сей жизни ждать.
 Чтоб мне почтеннее казался он в неволе,
 190 Аттила чем в венцах, иль Нерон на престоле.
 Поющий, с музами поэта сокрывай;
 В стихах ни гласных букв, ни жестких не сливай;
 Вещая о царях порфирой украшайся;
 Высоко взлетев, все выше возвышайся,
 195 Однако ты из глаз, взлетев, не улетай;
 Вес, меру, мощь свою в паренье рассчитай;
 Не дуйся как пузырь в своем высоком слоге,
 И пой как царь Давыд и Соломон о Боге!
 Без подлости хвали, без лести величай;
 200 Без ядовитости пороки обличай.

Не слушай тех невежд, ни мнений, ни советов,
 Которы думают, без чувств судя поэтов,
 Что много мыслей там, и много там ума,
 Где пустословие, нелепица и тьма;

-
- 205 Стихи тогда умны, разительны, прекрасны,
Когда естественны, замысловаты, ясны.
Искав беседы муз уже я поседел,
И, может быть, всегда стихи не стройно пел,
Кому-нибудь они быть могут неприятны;
210 Пусть так! – мои стихи не пышны, но понятны.

III.

- К театру изберешь или к сатирам путь,
Разборчивым судьей людских пороков будь;
Когда представить нам желаешь лицемера,
Иль скупость подлую, учися у Мольера;
215 Но живописи вид дать прозе и стихам,
В сердца развратные взгляди лучше сам;
Сорви с коварного обманчиву личину –
Яви мне чувств его, цель, виды и причину;
Узлы лукавого пронырства развяжи,
220 И в сущей наготе льстеца мне покажи;
За тайными его изгибами последуй
Чего сей хочет льстец, что мыслит, проповедуй, –
Явися им на час, не с тем льстецом чтоб быть,
Но семяна страстей из сердца истребить.
- 225 Довольно мы причин к суждениям имеем,
Но трогать не хотим пороков, иль не смеем;
Дурачествам людским я часто хохочу,
Скажу о них слов пять; – но лучше замолчу;
Мне всякой говорит кто в мире сем безгрешен?
230 Все грешны! – но не всяк достоин быть повешен!
Не все нам слабости на сцену выводить,
Осмеивай чего, не может суд судить;
Когда горит в тебе людей смешить охота,
Сварливого представь, педанта или мота,
235 Надменного глупца, завистника представь;
Стыди, гони порок, но добродетель славь. –
В зеркале чистых душ сияет сам Создатель,
Без добрая души не может быть писатель,
Иль будет холодно он думать и творить,
240 О добродетелях где станет говорить;
Не может зло с добром во круг вместиться тесный;
Поэзия есть дар не адский, но небесный. –
О рифмах не скажу Поэту ничего,
Не украшение, игрушка то его,
245 Обычаем они во стихотворство вкрались,
Но лучше, чтоб они не скудными казались.

Для пламенных страстей, для нежностей любви,
 На помощь нежного Расина призови,
 Как Федра, например, повергла в буйной страсти
 250 Супруга и себя и пасынка в напасти;
 Трагедии писать нам подали пример,
 Софокл, Есхил, Расин, Корнелий и Вольтер. –
 Великих мы певцов во всех имеем родах;
 Со Ломоносовым пари в гремящих одах;
 255 Шути с Державиным, иль Бога воспевай,
 И с Лафонтенами нас в притчах научай.
 Коль хочешь ты создать эпическу поэму,
 Сыщи приличную великой цели тему;
 Летай в ней как зефир, или как ветер бунтуй,
 260 Обворожай меня, картины мне рисуй –
 Являйся с посохом, являйся нам с державой; –

Воспой великого Петра мне под Полтавой,
 Сей малый прежде град, незнаема страна,
 Прославилась на все грядущи времена;
 265 Там жребий двух держав и двух царей решился,
 Орел возвысился, лев прежних сил лишился. –
 Обильна мысль твоя, нежна, иль высока,
 Не порти русского французским языка.
 Возносишься ль в эфир, смеешься ль, чистишь нравы,
 270 Своей грамматики храни всегда уставы;
 Не бабочкой с стиха на стих перелетай,
 Сложив один, не раз стишок свой прочитай,
 Нельзя ль еще его красивее составить;
 Картины рисовав, их часто можно править; –
 275 Вниманье муз к себе старайся примечать,
 Приходят ли они к тебе, стихи шептать?
 Когда парнасским ты огнем священным дышешь,
 О чем не думал ввек, о том в восторге пишешь.

Дерзая на Парнас того не позабуди,
 280 Что музы существа божественного суть;
 Речами подлыми не оскорбляй их слуха,
 Ни мыслей скаредством, ни низостию духа.
 В пареньях пламенных похвальну песнь пиши,
 Благопристойно плачь, и с разумом смещи;
 285 Не развращай в стихах читателей нравов. –
 Держись предписанных в поэзии уставов;
 Люби, люби ее небесну красоту,
 Приятну живость, ход, и в слоге чистоту;
 Чтобы стихи твои текли всегда свободно,

---

290 Как полная река, иль быстрой речке сходно,
Рассудка здравого для рифм не презирай,
И растворенным ртом в свирелку не играй.

Последуй истинным и древним тем законам,
Какие Флакк писал в письме своем к Пизонам,
295 Боалову имей науку о стихах,
Всегда на памяти и часто во устах;
Что в наставлениях нам предал Сумароков,
Тех правил не забудь; не бегай тех уроков. –
Когда же музами ты есть не вдохновен,
300 Колико ни трудись, твой будет труд забвен. –

М. Херасков